Рабинович Евгений Иосифович
Институт социологии Российской академии наук
Российская Федерация, Москва
rabin@migmail.ru

ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ДОМИНИРУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Содержанием работы является исследование исторической обусловленности существующих отношений государства и общества России, при которых государственная власть доминирует над обществом. Предмет анализа – уяснение причин и хода формирования такого положения, его основных факторов – культурно-цивилизационных, экономико-социально-политических, социально-психологических. Рассматривается типология российского общества как синкретического институционно-структурного образования «вотчинного» характера с нерасчленённой структурой власти и управления, и значение такого типа организации социума для отношений общества и государства в их развитии и вплоть до нашего времени.

Ключевые слова: власть; вотчинное общество; государство; идеология; инновации; менталитет; модернизация; общество; природная среда; Россия; самоуправление; синкретическое общество; социум; управление; цивилизация

Rabinovich Evgeniy Iosifovich
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow
rabin@migmail.ru

THE POWER-MANAGEMENT RELATIONS OF STATE AND SOCIETY IN RUSSIA: HISTORICAL CONDITIONALITY OF THE DOMINATING DEVELOPMENT TENDENCIES

Abstract. The content of the work is to study the historical implications of the existing relations between the state and society in Russia, where the government dominates society. The subject of analysis - the elucidation of the causes and course of the formation of such a provision, its main factors - cultural, civilizational, economic and socio-political, socio-psychological. We consider the typology of Russian society as a syncretic institutionally-structured formation "patrimonial" nature of the undifferentiated structure with the authorities, and the importance of this type of social organization for the relationship of society and state in their development and up to the present time.

Key words: civilization; government; ideology; innovation; management; mentality; modernization; patrimonial society; power; Russia; self-management; society; state; syncretic society; the natural environment.

Этот доклад является попыткой изложить основную канву представлений, которые, по мнению автора, могли бы послужить ответом на вопрос, почему в России, несмотря на неоднократно сменявшиеся политические режимы, революции, перевороты, сложилась и господствует социально-политическая система, при которой государство стоит над обществом, фактически полностью подчиняя его себе. Почему общество оказалось не в

состоянии ограничить или поставить под свой контроль политическую власть. Текст, в силу ограниченности объёма, носит реферативно-тезисный характер.

Ныне существующие отношения государства (власти) и общества складывались постепенно, связаны своими истоками с самим формированием общества и государства у восточных славян и особо на северо-востоке Руси. Три комплексных группы факторов объясняют, на наш взгляд, характер отношений российского государства и общества: (1) культурно-цивилизационная 2) структурно-институционная, (3) социально-психологическая. Эти подходы к изучению российского общества (и не только российского) приобрели в последнюю четверть века значительное распространение. Объём текста опять же не позволяет обзреть здесь соответствующие труды. Отметим лишь, что культурно-цивилизационный подход, охватывая самые разнообразные явления общества, обеспечивает широкий учёт всех сторон и факторов его развития; структурно-институциональная составляющая обеспечивает глубокий анализ взаимосвязанных экономических, социальных и политико-правовых отношений в обществе, рисует внутренний механизм развития; социально-психологическая (ментальная) сторона общественной жизни раскрывает роль субъективных факторов в развитии социума. Все эти три группы факторов существуют и действуют одновременно, все они взаимосвязаны.

Смена природной среды и условий жизнеобеспечивающей хозяйственной деятельности в ходе расширения территории обитания восточных славян на северо-восток, переход из зоны гарантированного земледелия (верховья Днестра, Южного Буга, Вислы) в северную лесную зону рискованного земледелия привели к расшатыванию общеславянского социокультурного наследия, ломке устоявшихся и формированию новых хозяйственно-трудовых навыков, образа жизни, психологии, менталитета. Успех деятельности в более суровой природной среде мало зависит от трудовых усилий. В таких условиях складывается психология неуверенности, пренебрежения к постоянному, усидчивому труду, ощущение бесперспективности жизни. Это мог быть первый, ранний мотив формирования пассивного отношения людей к обстоятельствам их жизни. По мнению Р. Пайпса, изучавшего формирование политической организации общества России в её природо-хозяйственных и экономико-социальных обстоятельствах, «упор на земледелие в самых неблагоприятных природных условиях является причиной многих трудностей, которые сопровождают историческое развитие России» (Пайпс, с. 16).

Важные культурно-идеологические и психоментальные последствия имело распространение в восточнославянском мире византийского вероучения – представлений и ценностных установок православного христианства: «греховность человека», «бренность земной жизни», пренебрежение материальными условиями и личностно-индивидуальным,

консерватизм, отрицательное отношение к инакомыслию. Православно-христианский подход к человеку, духовно-нравственный ценностный идеал – «жалость, сострадание, участие в человеческой судьбе, отказ от законнического осуждения человеческой личности» [Вера. Этнос. Нация, с. 211]. В этом наборе «ценностей», которые вносились церковью в русское общество, нет ни одной активной черты. Важнейшее значение в положении и деятельности самой церкви была её подчинённость государству, частью аппарата которого она стала. Церковь, охватывавшая своим воздействием все слои общества, стала важнейшим пропагандистским средством государства, удерживавшим общество в подчинении власти.

Во второй половине XV в. завершается формирование великорусского этноса и складываются его социально-психологические, ментальные черты, вытекающие из особенностей природы, господствующей идеологии, социально-политических условий – неприязнительность, терпеливость в невзгодах и лишениях, пренебрежение жизненными удобствами, да и самой жизнью, привычка к опасностям, выносливость и отважность, покорность, принятие зависимости, подневольного положения как нормального состояния и бунтарство, «приметливость» и «сметливость», «изворотливость в мелких затруднениях», привычка к «чрезмерному кратковременному напряжению», к усиленному труду на короткое время и к «продолжительному осеннему и зимнему безделью», «непривычка к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду» [Ключевский, с. 321-325]. Эти социально-психологические черты поддерживают пассивное отношение людей и общества к власти, терпимость к произволу и насилию.

Важнейшей стороной организации социума, определяющей взаимоотношения общества и государства, являются его структурно-институциональные характеристики – экономико-социальные и государственно-политико-правовые. Российскому социуму исторически присущ синкретизм отношений власти и общества, при котором государство стоит над обществом, от общества не зависит и им не контролируется. Для государства характерно «вертикальное», или централистское построение власти и управления. Этому типу организации общества присущи такие черты как единовластие, симбиоз власти и собственности, отсутствие разделения властей, отсутствие разделения власти и управления, бесправие людей.

Исторически в России преобладало единовластие. В руках правителя, как бы он ни именовался, в любую политическую эпоху сосредотачивается вся верховная власть, формально или фактически, с неограниченными или почти неограниченными полномочиями. В старой России верховная власть принадлежала всецело монарху-автократу, который издавал законы, назначал чиновников, бесконтрольно распоряжался

государственной казной; всё это без какого бы то ни было участия народных представителей в законодательной деятельности (до 1907 г.) и в контроле за управлением. Власть генеральных секретарей большевиков ограничивалась разве что законами природы. Власть президента в современной Российской Федерации превышает президентские полномочия в США, стране классической формы президентского правления. — Меняются политические режимы, организация власти, но авторитарное правление, почитание «первого лица» любого уровня, покорность перед высшими, большими и малыми начальниками, чиновничество, всевластие чиновной бюрократии остаётся.

Особую роль в синкретическом обществе играет связь собственности и политической власти. В России эти два института общества исторически преимущественно слиты. Политическая власть мыслилась и осуществлялась как продолжение права собственности. Власть предержащие являлись одновременно и суверенами государства, и его собственниками. Такой тип общества и государства в политологической и социологической литературе обычно определяется как вотчинный. «В вотчинном государстве нет ни официальных ограничений политической власти, ни законоправия, ни личных свобод» (Пайпс, 10-11, 39-40). Как мог сложиться такой тип организации общества и власти? Здесь необходимо вспомнить о начальных этапах сложения российской государственности.

В VIII–XI вв. Европа переживает экспансию скандинавов-норманнов. Не избежала проникновения норманнов (варягов) и Восточная Европа. Их основным интересом здесь были торговые пути и сбор дани. На речных торговых путях они создают опорные пункты, становящиеся центрами власти, стоящей над или рядом с возникавшими восточнославянскими протогосударственными образованиями. Первоначально средоточием власти было личное владение князя, его двор. «В пределах этого поместья князь был абсолютным повелителем, отправляя власть в двух ипостасях – суверена и собственника ... Отталкиваясь от крепкой базы своих частных владений, русские князья ... распространили ... власть и на вольное население за пределами этих владений» (Пайпс, 37). Княжеская дворцовая администрация выступала в двойном качестве, управляя княжеским хозяйством и руководя княжеством в целом. По мнению Р. Пайпса, «термином "вотчинный строй" лучше всего определяется тип режима, сложившегося в России между XII и XVII вв. и сохраняющегося – с перерывами и кое-какими видоизменениями – до сего времени» (Пайпс, 40). Это написано в 1974 г., но с некоторыми оговорками остаётся верным по сию пору. С середины XV в. значение термина «вотчина», в смысле личное владение, расширилось и охватило всю страну, все её материальные богатства и живущих в ней людей. С присоединением к московским владениям новых земель предпринимались меры

по предупреждению возникновения среди местной знати движений за сохранение самостоятельности. Россия превращалась в гигантское княжеское поместье, передаваемую по наследству вотчину, которой её суверен-владелец мог безраздельно распоряжаться. Так на северо-востоке Руси, ставшем ядром великорусского государства, складывалось государственно-собственническое общественно-политическое устройство, синкретически соединявшее государственную власть и собственность. И в XVIII в. императоры распоряжались людьми и имуществом как своей собственностью, жаловали своим близким слугам обширные государственные земли с сотнями тысяч крестьян.

Единовластие, доминирование вертикальной организации управления, то есть его централистский характер, проистекает, наряду с прочим, и из хода формирования государственной территории страны и регионального управления. Когда процесс государственно-территориального дробления сменяется объединительными тенденциями, усилением великокняжеской власти и возникновением начал государственно-бюрократической системы управления, изменяется и характер управления регионами. Роль местных владетелей и населения в управлении территорией уменьшается. Возникает бюрократический аппарат и государственно-бюрократическая система управления. Возможность отзыва наместника с его должности усиливала позиции и власть центра. Для управления присоединенными к Москве удельными, а затем и ранее самостоятельными великими княжествами (Нижегородским, Тверским, Рязанским, Новгородской и Псковской землями) и территориями (Поволжье, Урал и Сибирь) создаются органы управления этими территориями из центра («дворцы»), исключавшие создание местных (региональных) органов управления и самоуправления.

«Свойства, отличавшие внутреннее развитие ранней русской государственности, – необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом и собственническая, вотчинная манера отправления державной власти, – были усугублены сокрушительным внешним событием – монгольским завоеванием 1237-41 гг.» (Пайпс, 79). Монгольский хан сделался бесспорным сувереном страны. Ни один князь не мог вступить во власть без согласия хана. Монгольское владычество имело долговременные и пагубные политические последствия, оказало влияние на организацию власти и на государственные институты, на политический климат России. «Русская жизнь необыкновенно ожесточилась ... В те годы основная масса населения впервые усвоила, *что такое государство*: что оно *забирает всё, до чего только может дотянуться*, и ничего не дает взамен, и что ему надобно подчиняться, потому что за ним сила» (Пайпс, с. 79-82). Всё это подготовило почву для того характера политической власти, который сложился в Москве, когда Орда стала слабеть и пала. И характер этой власти был деспотический.

Великие князья, цари, последующие правители, как прежде ханы, стали *абсолютными господами*, их власти следует подчиняться *безусловно*, их повеления *не обсуждаются*. Функции государства сводятся к обеспечению безопасности властей, взиманию податей (как при ханах – дани), поддержанию «порядка», расширению владений, т.е. опять-таки к увеличению богатств и числа подданных, уплачивающих подати. Общественное благосостояние, защита личных прав людей не являются задачами государства, наследовавшего ханскую власть. Главное назначение сложившегося общественно-государственного устройства – «обогащение суверенного собственника»: «... в XVI и XVII вв. московские цари имели практически полную монополию на оптовую торговлю страны, равно как и на промышленность и горное дело» (Пайпс, с. 40, 89). Монголо-татарская зависимость и борьба с ней имели и определенные социокультурные, идеологические, ментально-психологические последствия – формирование психологии рабской покорности и бунта, стремление к освобождению, требующему консолидации внутренних усилий, централизации власти и управления.

Падение Византии и освобождение от подчинения Орде ведут к определённому сплочению социально-политической элиты великороссов, возникновению этногосударственного (национального) самосознания, этнополитической идеологии, содержанием которой становится богоизбранность и национально-государственная исключительность. Москва воспринимается как единственная независимая православная держава, осознающая свою роль в судьбе православия, что служит идеологическим обоснованием усиления государственной власти и дальнейшему, и всё усиливающемуся её доминированию над обществом.

Для обеспечения государственного всевластия становится недостаточно обычных управленческих структур, понадобились специальные органы контроля за населением и обществом, задачей которых было бы предупреждение и подавление возможных противостояний установленному порядку вещей. Длинная вереница охранных структур и политической полиции тянется в наше время из глубины веков, начиная с опричнины. Репрессивные «органы» дополняются организациями пропагандистскими. О роли церкви сказано выше. Но особенно преуспели в этом большевики, установившие полную монополию на средства информации и печать. С появлением последней и других СМИ средствами контроля за ними становится цензура. В современной России, где цензура запрещена законом (Конституция РФ, ст. 29, п. 5), средствами ограничения распространения нежелательной для властей информации становятся «конкуренция хозяйствующих субъектов» и «позиция собственника СМИ».

Особо следует сказать о структурах, прямо создаваемых государством или возникающих самостоятельно, но подчиняемых и используемых им для проникновения в общество и придания деятельности общественных, в том числе и изначально независимых, организаций направления, определяемого властью. Это – агентура власти в обществе. Так екатерининскими реформами, последовавшими за смертельно напугавшим элиту пугачёвским бунтом, были учреждены дворянские сословные организации (1785 г.) с элементами выборности, которым были предоставлены ограниченные полномочия в области местного и регионального управления. Организация большевиков, созданная леворадикальным крылом русской социал-демократии для борьбы с царизмом, после захвата ею власти и создания собственных государственно-властных органов, продолжала существовать как особого рода властно-политическая структура, камуфлирующаяся под общественную организацию с формально выборным началом во внутреннем устройстве, являясь важнейшим органом проникновения коммунистической власти во все поры общества. Такого же рода роль играют и некоторые современные политические организации, как правящие, так и позиционируемые в качестве «системной оппозиции».

Правомерен вопрос, при всём засилье государственной власти над обществом существовала ли когда-либо в тысячелетней истории страны возможность проявления общественной инициативы, самоуправления, существовали ли какие-либо независимые общественные институты, имел ли место «тренд» в сторону иного характера развития.

В истории России существовали представительные институты, хотя и ограниченно отражавшие интересы некоторых слоёв населения. Существовало территориальное (в основном местное и в меньшей мере региональное) самоуправление. В ранние исторические эпохи, в родоплеменном обществе и в пору формирования государства самоуправление возникало спонтанно, «снизу», из недр самого общества (крестьянские и посадские общины, вече); в последующие эпохи учреждалось преимущественно «сверху», государственной властью, хотя продолжали существовать и некоторые, прежде возникшие, спонтанные его формы (крестьянская община, сходы). Для крестьянской общины, мира, особенно характерно её длительное историческое существование как института самоуправления, пережившего крепостническую эпоху. Существование представительных учреждений и самоуправления было неустойчивым: тенденция их возникновения и расширения сменялась сужением и даже ликвидацией. Для институтов представительства и самоуправления российского общества в целом характерны прерывность существования, ограниченность территории действия и неполнота сферы применения, ограниченность полномочий и ограниченность участия населения, сословный характер, подчинённость и зависимость от государственно-властных бюрократических структур управления,

переходящие иногда в переплетение с ними. В целом можно говорить лишь о слабом развитии и неустоявшихся традициях народного представительства и самоуправления в российском обществе.

Основной «тренд» в сторону иного характера развития связан с великой культурно-цивилизационной трансформацией России в XVIII в., начатой петровскими преобразованиями. Они намечали и некоторое направление структурно-институционных изменений – упразднение старых (боярская дума, приказная система) и учреждение новых институтов управления (сенат, коллегии), новый порядок формирования и организации армии. Однако преобразования в структурно-институционной организации государства были ограниченными. Они не изменили социальных и политических основ общества: сохранились и даже усилились единовластные начала, неограниченность власти «первого лица», сохранялось крепостное состояние основной части трудового населения, сохраняла свою роль старая властно-управленческая элита, лишь слегка разбавленная «новыми людьми», которые видели своё будущее в слиянии со старой аристократией и дворянством. Власть чиновной бюрократии даже возрастает в связи с расширением областей деятельности, регулируемых государством. Отношения в системе «общество – государство» не изменились. Вместе с тем, одним из важных последствий смены культурно-цивилизационной парадигмы явилось возникновение в сознании наиболее образованной, европейски просвещённой части населения, её культурной элите, сознания необходимости структурной перестройки отношений общества и государства, их либерализации и дальнейшей европеизации. Складывается и постепенно приобретает устойчивый характер движение за реформирование социальных отношений, структуры государственной власти и управления.

Непосредственное соседство и контакты с быстро развивавшимися странами Запада остро ставили вопрос о путях развития России. Противоречия в подсистемах культуры – несоответствие внешне- и внутривластных задач, с одной стороны, и технико-экономического состояния страны, социальных отношений, организации власти и управления, с другой, социально-экономический, правовой и культурный разрыв между господствующими верхами и трудовыми низами требовали радикальных структурных преобразований, изменений в организации общества и государства. Однако реформы в России всегда носили вынужденный характер, проводились по инициативе сверху и только тогда, когда власть чувствовала, что без изменений уже не обойтись. Ограниченные реформы были для власти средством манёвра. Реформы проводились так, чтобы изменения в организации власти и управления, приводя к временному (исторически) разрешению проблемы, не затрагивали интересов властной элиты и государственной бюрократии,

сохраняя и укрепляя их положение и усиливая центральную власть и сложившиеся политические порядки. В целом, служа дополнением силовой политики сдерживания и подавления, реформы имели двойственный характер, приоткрывая иногда ограниченные возможности для развития. Особенно это касается петровских преобразований и «великих реформ» Александра II. И те и другие отвечали нуждам страны и создавали некоторые возможности проявления общественной инициативы, выражали тренд на изменение отношений общества и государства. Однако их ограниченность, незавершенность не снимали главных противоречий, но даже обостряли их и порождали новые. В русле того же тренда изменения отношений государства и общества лежат неудавшаяся попытка демократизации весны–лета 1917 г. и события конца 1980-х – первой половины 1990-х гг. (т.н. «перестройка», реформирование системы государственного управления, либерализация жизни). — Вопрос о характере отношений государства и общества в России требует дальнейшего изучения. Заметим, что здесь совершенно не были затронуты вопросы внешней и военной политики, которые также дают немало для характеристики отношений государства и общества.

Библиографический список

- Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2009. 400 с.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Соцэкгиз, 1937. 396 с.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Изд-во «Независимая газета», 1993. 421 с.